

A bookplate with a decorative border and a background illustration of a brick wall with a window. The text is centered on the page.

Эта книга принадлежит

.....

.....

Анатолий
Рыбаков

КОРТИК

Повесть

УДК 824.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р93

Рисунок на обложке Т. Булгаковой

Рыбаков, Анатолий Наумович.

Р93 Кортик : [повесть] / А. Рыбаков; худож. Т. Булгакова. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 286, [2] с. : ил. — (Ничего не бойся!).

ISBN 978-5-17-165970-7.

«Кортик» — первая часть трилогии Анатолия Рыбакова о простых мальчишках с Арбата (наряду с «Бронзовой птицей» и «Выстрелом»). Ребятам довелось жить в непростые времена. В стране продолжается Гражданская война, но жизнь постепенно начинает налаживаться. На летние каникулы Миша Поляков едет в небольшой город Ревск. Здесь к нему в руки попадает кортик с затонувшего линкора «Императрица Мария», и теперь Мише и его верным друзьям предстоит раскрыть секрет этого оружия.

Для среднего школьного возраста.

УДК 824.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ЕАС

© Рыбаков А. Н., насл., 2024
© Булгакова Т. В., ил., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Часть первая РЕВСК

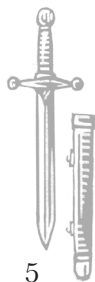
Глава 1 ИСПОРЧЕННАЯ КАМЕРА

Миша тихонько встал с дивана, оделся и выскользнул на крыльцо.

Улица, широкая и пустая, дремала, пригретая ранним утренним солнцем. Перекликались петухи. Изредка из дома доносились кашель, сонное бормотание — первые звуки пробуждения в прохладной тишине покоя.

Миша жмурил глаза. Его тянуло обратно в теплую постель, но мысль о рогатке заставила его встряхнуться. Осторожно ступая по скрипучим половицам коридора, он пробрался в чулан.

Тусклый свет падал из крошечного оконца под потолком на прислоненный к стене велосипед — старую сборную машину на спущенных шинах, с ржавыми спицами и порванной цепью. Миша снял висевшую над велосипедом рваную, в разноцветных заплатках камеру, перочинным

6 ножом вырезал из нее две узкие полоски и повесил обратно так, чтобы вырез был незаметен.

Он осторожно открыл дверь, собираясь выбраться из чулана, как вдруг увидел в коридоре Полевого, босого, в тельняшке, с взлохмаченными волосами. Миша прикрыл дверь и, оставив маленькую щелку, притаился.

Полевой спустился во двор, подошел к заброшенной собачьей будке, внимательно осмотрелся.

«Чего ему не спится? — думал Миша. — И осматривается как-то странно...»

Полевого все называли «товарищ комиссар». Высокий, могучий человек, в прошлом матрос, он до сих пор ходил в широких черных брюках и куртке, пропахшей табачным дымом. Из-под куртки на ремешке болтался наган. Все ревские мальчишки завидовали Мише — он жил в одном доме с Полевым.

«Чего это он? — удивлялся Миша. — Так я из чулана не выберусь! Бабушка вот-вот поднимется».

Полевой сел на лежавшее возле будки бревно, еще раз осмотрел двор. Его взгляд скользнул по щелочке, в которую подглядывал Миша, по окнам дома.

Потом он засунул руку под будку, долго шарил там, видимо нащупывая что-то, затем выпрямился, встал и пошел обратно в дом. Скрипнула дверь его комнаты, затрещала под грузным телом кровать, и все стихло.

Мише не терпелось смастерить рогатку, но...

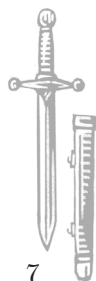
что искал Полевой под будкой? Миша крадучись подошел к ней и остановился в раздумье.

Посмотреть, что ли? А вдруг кто-нибудь заметит? Он сел на бревно и оглянулся на окна дома. «Нет, нехорошо! Нельзя быть таким любопытным! — подумал Миша и засунул руку под будку. — Ничего здесь не может быть». Ему просто показалось, будто Полевой что-то искал... Рука его шарила под будкой. Конечно, ничего! Только земля и скользкое дерево... Мишины пальцы попали в расщелину. Если здесь и спрятано что-нибудь, то он даже не посмотрит, только убедится, есть тут что или нет. Он нащупал в расщелине что-то мягкое, вроде тряпки. Вытащить? Миша еще раз оглянулся на дом, потянул тряпку и, разгребая землю, вытащил из-под будки сверток.

Он стряхнул с него землю и развернул. На солнце блеснул стальной клинок кинжала. Кортик! Такие кортики носят морские офицеры. Он был без ножен, с тремя острыми гранями. Вокруг побуревшей костяной рукоятки извивалась бронзовым телом змейка с открытой пастью и загнутым кверху язычком.

Обыкновенный морской кортик. Почему же Полевой его прячет? Странно. Миша еще раз осмотрел кортик, завернул его в тряпку, засунул обратно под будку и вернулся на крыльцо.

Со стуком падали деревянные брусья, запирающие ворота. Коровы медленно и важно, помахивая хвостами, присоединялись к проходив-

8 шему по улице стаду. Стадо гнал пастушонок в длинном, до босых пят, рваном зипуне и барашковой шапке. Он покрикивал на коров и ловко хлопал бичом, который волочился за ним в пыли как змея.

Сидя на крыльце, Миша мастерил рогатку, но мысль о кортике не выходила у него из головы. Ничего в этом кортике нет, разве что бронзовая змейка... Почему Полевой его прячет?

Рогатка готова. Эта будет получше Генкиной! Миша вложил в нее камешек и стрельнул по прыгавшим на дороге воробьям. Воробьи поднялись и уселись на заборе. Миша хотел еще раз выстрелить, но в доме раздались шаги, стук печной заслонки, плеск воды из ушата. Миша спрятал рогатку за пазуху и направился в кухню.

Бабушка в своем засаленном капоте с оттопыренными от множества ключей карманами передвигала по скамейке большие корзины с вишнями. На озабоченном лице щурятся маленькие подслеповатые глазки.

Миша запустил руки в корзину.

— Куда, куда! — закричала бабушка. — Грязными лапами!

— Жалко уж! Я есть хочу, — проворчал Миша.

— Умойся сперва.

Миша подошел к умывальнику, чуть смочил ладони, прикоснулся к кончику носа, тронул полотенце и отправился в столовую.

На своем обычном месте во главе длинного обеденного стола, покрытого коричневой цветастой клеенкой, уже сидит дедушка — старенький, седенький, с редкой бородкой и рыжеватыми усами. Большим пальцем он закладывает в нос табак и чихает в желтый носовой платок. Его живые, в лучах добрых, смешливых морщинок глаза улыбаются, и от его сюртука исходит мягкий и приятный запах, только одному дедушке свойственный.

На столе еще ничего нет. В ожидании завтрака Миша поставил свою тарелку посреди нарисованной на клеенке розы и начал обводить ее вилкой, чтобы замкнуть розу в круг.

На клеенке появляется глубокая царапина.

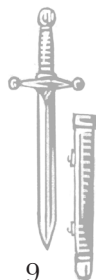
Неся перед собой самовар, в столовую вошла бабушка. Миша прикрыл царапину локтями.

— Где Семен? — спросил дед.

— В чулан пошел, — ответила бабушка. —
Велосипед вздумал чинить!

Миша вздрогнул и, забыв про царапину, снял локти со стола. Велосипед чинить? Вот так штука! Все лето дядя Сеня не притрагивался к велосипеду, а сегодня, как назло, принялся за него. Сейчас увидит камеру — и начнется канитель.

Скучный человек дядя Сеня! Бабушка — та просто отругает, а дядя Сеня скривит губы и начинает читать нотации. В это время он смотрит в сторону, снимает и надевает пенсне, тербит

10 золоченые пуговицы на своей студенческой ту-
журке. А он вовсе не студент! Его давным-давно
исключили из университета за «беспорядки». Ин-
тересно, какой беспорядок мог надеть такой
всегда аккуратный дядя Сеня? Лицо у него блед-
ное, серьезное, с маленькими усиками под носом.
За обедом он обычно читает книгу, скосив глаза,
и не глядя, наугад, подносит ко рту ложку.

Миша опять вздрогнул: из чулана донеслось
громыханье велосипеда.

И когда в дверях показался дядя Сеня с поре-
занной камерой в руках, Миша вскочил и, опро-
кинув стул, опрометью бросился из дому.

Глава 2

ОГОРОДНЫЕ И АЛЕКСЕЕВСКИЕ

Он промчался по двору, перемахнул через за-
бор и очутился на соседней Огородной улице. До
ближайшего переулка, ведущего на свою Алексе-
евскую улицу, не более ста шагов. Но мальчишки
с Огородной, заклятые враги алексеевских, уже
заметили Мишу и сбегались со всех сторон, вопя
и улюлюкая, в восторге от предстоящей распра-
вы с алексеевским, да еще с москвичом.

Миша быстро вскарабкался обратно на забор
и закричал:

— Что, взяли? Эх вы, пугалы огородные!

Это была самая обидная для огородных клочка. В Мишу полетел град камней. Он скатился с забора во двор, на лбу его набухла шишка, а камни продолжали лететь, падая возле самого дома, из которого вдруг вышла бабушка. Она близоруко сощурила глаза и, обернувшись к дому, кого-то позвала. Наверное, дядю Сеню...

Миша прижался к забору:

— Ребята, стой! Слушай, чего скажу!

— Чего? — ответил кто-то за забором.

— Чур, не бросаться! — Миша снова влез на забор, с опаской поглядел на ребячьи руки. — Что вы все на одного? Давайте по-честному — один на один.

— Давай! — закричал Петька Петух, здоровенный парень лет пятнадцати.

Он сбросил с себя рваную кацавейку и воинственно засучил рукава рубашки.

— Уговор, — предупредил Миша, — двое дерутся, третий не мешай.

— Ладно, ладно, слезай!

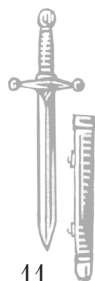
На крыльце рядом с бабушкой уже стоял дядя Сеня.

Миша спрыгнул с забора.

Петух тут же подступил к нему.

— Это что? — Миша ткнул пальцем в железную пряжку Петькиного пояса.

По правилам во время драки никаких металлических предметов на одежде быть не должно. Петух снял ремень. Его широкие, видно отцов-

12 ские, брюки чуть не упали. Он подхватил их рукой, кто-то подал ему веревку. Миша в это время расталкивал ребят: «Давай побольше места!..» — и вдруг, отпихнув одного из мальчиков, бросился бежать.

Мальчишки с гиком и свистом кинулись за ним, а сзади всех, чуть не плача от огорчения, бежал Петух, придерживая рукой падающие штаны.

Миша несся во всю прыть. Босые его пятки сверкали на солнце. Он слышал позади себя топот, сопение и крики преследователей. Вот поворот. Короткий переулок... И он влетел на свою улицу. Ему на выручку бежали алексеевские. Огородные, не принимая драки, вернулись к себе.

— Ты откуда? — спросил рыжий Генка.

Миша перевел дыхание, оглядел всех и небрежно произнес:

— С Огородной. Дрался с Петухом по-честному, а как стала моя брать, они все на одного.

— Ты — с Петухом? — недоверчиво спросил Генка.

— А то кто?! Здоровый он парень, во какой фонарь мне подвесил! — Миша потрогал шишку на лбу.

Все с уважением посмотрели на этот синий знак его доблести.

— Я ему тоже всыпал... — продолжал Миша, — запомнит! И рогатку отобрал. — Он вытащил из-за пазухи рогатку с длинными красными резинками. — Получше твоей.

Потом он спрятал рогатку, презрительно посмотрел на девочек, формочками лепивших из песка куличики, и насмешливо спросил:

— А ты что делаешь? В пряталки играешь, в салочки? «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять...»

— Вот еще! — Генка потрянул рыжими вихрами. — Давай в ножички.

— На пять горячих со смазкой.

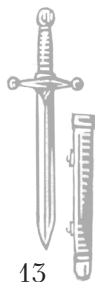
— Ладно.

Они уселись на деревянный тротуар и начали по очереди втыкать в землю перочинный ножик: просто, с ладони, броском, через плечо, солдатиком...

Миша первым закончил все фигуры. Генка протянул ему руку. Миша состроил зверскую физиономию и поднял кверху два послунявленных пальца. Генке эти секунды кажутся часами, но Миша не ударил. Он опустил руку и сказал: «Смазка просохла», и снова послунявил пальцы. Это повторялось по несколько раз перед каждым ударом, пока Миша не вlepил наконец Генке все пять горячих, и Генка, скрывая выступившие на глазах слезы, дул на посиневшую и ноющую руку.

Солнце поднималось все выше. Тени укорачивались и прижимались к палисадникам. Улица лежала полумертвая, едва дыша от неподвижного зноя. Жарко. Надо испкупаться.

Мальчики отправились на Десну.

Узкая, в затвердевших колеях дорога вилась полями, уходившими во все стороны зелено-желтыми квадратами. Квадраты спускались в ложбины, поднимались на пригорки, постепенно закруглялись, как бы двигаясь вдаль по правильной кривой, неся на себе рощи, одинокие овины, задумчивые облака.

Пшеница стояла высокая, неподвижная. Мальчики рвали колосья и жевали зерна, ожесточенно сплевывая пристающую к небу шелуху. В пшенице что-то шелестело. Испуганные птицы вылетали из-под ног.

Вот и река. Приятели разделись на песчаном берегу и бросились в воду, поднимая фонтаны брызг. Они плавали, ныряли, боролись, прыгали с шаткого деревянного моста, потом вылезли на берег и зарылись в горячий песок.

— А в Москве есть река? — спросил Генка.

— Есть. Москва-река. Я тебе уже тысячу раз говорил.

— Так по городу и течет? Как же в ней купаются?

— Очень просто: в трусиках. Без трусов тебя к Москве-реке за версту не подпустят. Специально конная милиция смотрит.

Генка недоверчиво ухмыльнулся.

— Чего ты ухмыляешься? — рассердился Миша. — Ты, кроме своего Ревска, не видал ничего, а ухмыляешься!

Глядя на приближающийся к реке табун лошадей, он спросил:

— Какая самая маленькая лошадь?

— Жеребенок, — не задумываясь ответил Генка.

— Вот и не знаешь! Самая маленькая лошадь — пони. Есть английские пони, они — с собаку, а японский пони — вовсе с кошку.

— Врешь!

— Я вру? Если бы ты хоть раз был в цирке, то не спорил бы. Ведь не был? Скажи: не был?.. Ну вот, а споришь!

Генка помолчал, потом сказал:

— Такая лошадь ни к чему: ее ни в кавалерию, никуда.

— При чем тут кавалерия? Думаешь, только на лошадях воюют? Если хочешь знать, один матрос уложит трех кавалеристов.

— Я про матросов ничего не говорю, — сказал Генка, — а без кавалерии никак нельзя. Вот банда Никитского — все на лошадях.

— Подумаешь, «банда Никитского»!.. — Миша презрительно скривил губы. — Скоро Полевой поймает этого Никитского.

— Не так-то просто, — возразил Генка, — его уж год все ловят, никак не поймают.

— Поймают!

— Тебе хорошо говорить, а он крушения устраивает. Отец уж боится поезда водить.

— Ничего, поймают.

Миша зевнул, зарылся глубже в песок и задремал. Генка тоже дремлет. Им лень спорить: жарко.

